

Ирина Никифорова



«АКАДЕМ» И НАШ «Б» КЛАСС

Часть 1. Детство
Часть 2. Отрочество

Ирина Никифорова

**«АКАДЕМ» и наш «Б»
класс. Часть 1. Детство.
Часть 2. Отрочество**

«Издательские решения»

Никифорова И.

«АКАДЕМ» и наш «Б» класс. Часть 1. Детство. Часть 2.
Отрочество / И. Никифорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852510-0

Книга посвящена детству и родному Академгородку 70-х годов. В ней описывается процесс взросления девочки и её одноклассников.

ISBN 978-5-44-852510-0

© Никифорова И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Детство	6
Введение	6
Глава 1. Академический городок	8
Глава 2. Гастроном	11
Глава 3. Школа №24	14
Глава 4. Марина	16
Глава 5. «Музыкалка»	17
Глава 6. Юлька	19
Глава 7. Пневмония	22
Глава 8. Витька	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

«АКАДЕМ» и наш «Б» класс

Часть 1. Детство. Часть 2. Отрочество

Ирина Никифорова

*«Наши воспоминания, как дом, в который
Всегда можно вернуться»*

Э. Сафарли

*Учителю-Софье Васильевне Кожевниковой
посвящается.*

© Ирина Никифорова, 2017

ISBN 978-5-4485-2510-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Детство

Введение

«А не спеть ли мне песню о любви?» – вопрошает певец с экрана телевизора.

«А не спеть ли мне свою „песню“? – думаю я, разглядывая фото друзей в „Одноклассниках“. – Не написать ли мне о родном Академе и о нашем классе „бэшек“, и о нашем детстве, которое пришлось на шестидесятые – семидесятые годы – страшно сказать – прошлого века?»

А кому еще писать? Со мной, как выяснилось много позже, училась уйма прекрасного народа, который освоил массу необходимых и полезных для страны специальностей, кроме довольно бесполезных – с практической точки зрения – «писателя» и «художника».

Поскольку вирус «графоманства» у меня «в крови» с раннего детства – то кому же еще браться за такую «мессианскую» задачу?

Тем более Софья Васильевна, которая восемь лет мужественно «несла крест» нашего классного руководителя – на выпускной линейке неосторожно сказала, что я «её любимая ученица». А преподавала она у нас, между прочим, русский язык и литературу. И, конечно же, моя любовь к этим предметам во многом её огромная заслуга. И, возможно, потому я и не пошла после окончания школы на «юридический», как хотела вначале, а подала документы на филфак Университета.

Здесь следует заметить, правды ради, что спустя год учебы на «отлично» я филфак бросила, забрала документы («ума палата» была) и решила получить другую специальность. Но... возникли разного рода препятствия, расписывать здесь которые, смысла нет, и в результате я через два года вновь подала документы... куда? Догадитесь с одного раза! ... Правильно, на филфак, и вновь поступила, и декан сказала что-то остроумное в мой адрес насчет трех попыток. Но я свой диплом по специальности «филолог, преподаватель русского языка и литературы» честно получила после «второго захода», потому как поняла тогда простую истину: «От судьбы не уйдешь».

Уже сейчас мне понятно, что все эти воспоминания и размышления за один «присест» мне не одолеть, потому сразу предупреждаю – это только первая часть книги, и в ней, в основном, будут воспоминания класса этак до шестого. И о многих одноклассниках в этой части упомянуто не будет, и пусть это их не обижает, постараюсь написать обо всех чуть позже.

О себе «любимой» я попытаюсь писать как можно меньше. Но... поскольку это МОИ воспоминания, то и игнорировать СЕБЯ полностью у меня не получится. Так что «сорри», как принято говорить у англичан.

Предвидя вопросы насчет лаконично-иронично – незатейливого стиля книги, чувствую себя обязанной немного пояснить и этот момент.

Признаюсь, сначала мне хотелось написать этаким роман о детстве в духе Марселя Пруста, который очень методично и «цветисто» описывал каждый нюанс души, каждое движение мысли и каждую комнату из прошлого.

Но, если принять во внимание, что на прошлое мы смотрим СЕГОДНЯШНИМИ глазами, то понятно, что ПРОШЛОЕ – это уже наше «мифотворчество». Безусловно, какие-то сильные переживания помнятся долго. Но, КАК мы тогда думали и ЧТО именно чувствовали, вряд ли мы сумеем дословно воспроизвести, глядя на всё через «очки» времени. А потому решила я больше придерживаться фактов, а не изощряться в метафоричности. Кроме того, я не поклонница Пруста, а в большей степени Джером К. Джерома.

Еще один нюанс! Я не знаю, как вы, но когда я пытаюсь восстановить какие-то эпизоды прошлого в памяти, вижу я их в черно-белом цвете. Понятно, что небо во все времена было синим, стены панелек – серыми, а трава – зеленой. Оттенков разных цветов я знаю массу, поскольку иногда что-то изображаю на холсте. И потому я долго пыталась понять, почему воспоминания у меня черно-белые? Потом поняла! Наше прошлое смотрит на нас с черно-белых! фотографий.

Вот, к примеру, старое фото: стоим мы с Леной Татарниковой возле елки. Лет нам по десять, не больше. Помню, что приехали после демонстрации, похоже, майской. На нас пальто, шапки и туфли. Цвет своего пальто я помню – был он синим, шапка (дурацкая, между нами говоря) была серой, а вот туфли? А какого цвета были пальто и шапка Ленки, это может сказать только она и то, если помнит.

А поскольку прошлое я вижу именно так, не вижу смысла его расцвечивать. Никогда не любила отретушированные фотографии в семейном альбоме.

Можно добавить сюда же, что «на вкус и цвет друга нет», «хозяин-барин»...

Вопросы по стилю есть? Хочу надеяться, что нет!

Кроме этого, сразу хочется попросить прощения, что имена одноклассников я буду употреблять с суффиксом «к». В детстве не принято обращаться друг к другу полным именем. А уж коли я пишу о нашем детстве, то простите, Ленки, Сашки, Маринки, но в этой части вас называть будут именно так.

А вот Софью Васильевну, понятно, я буду величать по имени-отчеству. Хотя, помнится, между собой мы называли её всегда для краткости «Софья», и полагаю, она об этом хорошо знала.

Итак, все «кавычки» расставлены, можно раскручивать «клубок» воспоминаний.

Беря примеров с классиков литературы, назову эту часть «Детство». А с кого его еще брать, если взял в руки «перо»?

Глава 1. Академический городок

Сейчас Академгородок стал длинной в три остановки. И недавно, гуляя по нему, я подумала, что его – если идти со стороны улицы Помяловского – пожалуй, можно уже показывать иностранным туристам и «гостям города», как «образец развития архитектурной мысли прошлого и нынешнего столетия».

Хотя нет в нём зданий деревянного зодчества и помпезных зданий «сталинской» эпохи, все прочие стили представлены очень наглядно.

Как любезно сообщил мне Гугл – всем известный поисковый сервис – началось строительство Академа в начале 1960-х годов. Причем строить жилые дома для научных работников стали в поселке Энергетиков, и поэтому там до сих пор есть улица Академическая.

А непосредственно первые дома в Академгородке стали строить только после возведения Института органической химии и Института геохимии. Сначала на огромном пустыре был построен комплекс «хрущевок» с маленькими кухнями, крошечными ваннами и весьма неудобной планировкой. Но здания те были из красного кирпича, поэтому до сих пор внешне выглядят прилично. Тут же выстроили типовой детский сад, школу, и жизнь, как говорится, «закипела».

Среди домов обычных, построили несколько домов с потолками более высокими, а планировкой более приятной для жизни. Предназначались они для «докторов» – научных, разумеется, еще для кое-какого начальства. Но выполнены были дома тоже из красного кирпича, потому сильно не отличались от «соседей».

Затем строить стали быстрее и, судя по всему – экономнее, потому «налепили» целую серию широко известных в народе зданий – «хрущевок» – «панелек» высотой в четыре этажа. Квартиры там были неудобные, соседи слышали каждый «чих» друг друга, а внешние стены этих панелек нужно было время от времени красить-белить, ибо после воздействия атмосферных осадков, через несколько лет они являли собой унылое зрелище. И зрелище это как раз можно наблюдать сегодня.

Как заметила моя мама, когда в её недавний приезд мы гуляли по Академу: «Дома стыдливо спрятались в тени деревьев». И это правда! Те деревья, которые я помню еще совсем невысокими, теперь «вымахали» выше домов, прикрыв их облезлые стены. Но это лирика!

О да! Здесь стоит сказать, что «программа озеленения» существовала и обсуждалась на «самом высоком уровне», как утверждает мама. Если учесть, что дома в «семидесятых» строили на огромном пустыре, как я написала выше – всё, что сейчас «растет, цветет и пахнет» – плод больших усилий, в том числе и самих жителей. А поскольку, мы с классом, в школьные годы, тоже нередко принимали участие в «озеленении», то и наших тоже – что весьма приятно.

В начале тех же семидесятых годов, началось в Академе строительство кирпичных домов по разным проектам. Это были так называемые «павловские», с удобными и большими квартирами. Была построена также единственная в своем роде «китайская стена» – кирпичный дом, длиной в 12 подъездов.

Затем «вырос» красивый дом вдоль улицы Лермонтова, первый этаж которого заняли магазины, аптека и «Академкнига».

А также возле школы №24 «воткнули» две «девятиэтажки». В них мы бегали поначалу, чтобы прокатиться на лифте, благо, что подъезды в ту пору не было принято закрывать металлическими дверями с «домофонами».

Затем, через Пустырь от «старого» Академа, довольно быстрыми темпами был возведен комплекс панельных домов, панели которых хоть и были уныло серыми, тем не менее,

в побелке-покраске регулярной не нуждались, а кроме того, уже были пятиэтажными, да и планировка квартир была лучше.

Да, примерно в те же годы слева от школы №19 выстроили гостиницу «Академическая». А как еще её могли назвать?

За школой №24 до семидесятых годов была железнодорожная ветка и старый ремонтный завод, на территории которого стояли паровозы. Наши мальчишки часто лазили туда через ветхий забор и спиливали с них медные трубки, из которых делали «пугачи». В некотором отдалении от него был лесозаготовительный завод, который в году этак семидесятом сгорел дотла. Точнее не скажу, да и какая разница?

Об этих фактах, кстати, мне рассказал Сашка Маков, которому моя идея – написать о нашем детстве – понравилась. Понятно, что у мальчишек была своя жизнь, и их «границы передвижения» были шире. Я и помыслить не могла класса до пятого, что могу уйти из своего двора без разрешения. Да и нужды не было. Мы-то играли в «города», то скакали в «классики», потом появилась мода прыгать через «резинку». Еще были прятки, железная карусель и стойки металлические для выбивания ковров, на которых мы изображали из себя гимнасток. Развлечений хватало!

Возвращаемся к архитектуре...

Так вот, на месте этих заводов, как раз за «китайской стеной» и школой №24, в начале восьмидесятых построили девятиэтажные дома в немалом количестве.

А в 2000 году на окраине Академгородка началась «стройка века» – Ледовый Дворец, напоминающий египетскую пирамиду. Его «многострадальную» судьбу каждый может при желании узнать из Интернета. Одно могу сказать, на момент написания этих строк он так и не радуется спортсменам и зрителям широко распахнутыми дверями.

А вот здание современной Областной библиотеки очень даже радуется. Сейчас рядом с ним строится большой комплекс новых домов, так называемая «Сигма». На пустыре между «старым» и новым Академом, где мы в свое время любовно сажали маленькие саженцы кедров, деловые люди «воткнули» два высоченных современных дома, известных, как «Прогресс».

На задворках школы №19 разместился комплекс жилых зданий, так называемый «Синий квадрат».

Короче говоря, есть на что посмотреть! Милости прошу на экскурсию!

Мы же мысленно вернемся в год... 1970!

Именно в этот год родителей моих принесло в Иркутск «ветром перемен», и мы стали жить в Академгородке, в доме 305.

В ту знаменательную пору, Академгородок был еще небольшим. Кроме кирпичных и панельных «хрущевок» там ничего не было. Хотя, как это не было? Было! «Культурный центр», состоящий из пары магазинов, стоящих слева от небольшой площади с газонами и лавочками. Справа же стоял Дом Культуры «Юбилейный», и, собранные под одну крышу-парикмахерская, ателье, столовая, кулинария, библиотека, прачечная. Впрочем, прошедшее время здесь неуместно. Всё это сооружение стоит до сих пор, правда изрядно обветшавшее.

Большинство жителей Академгородка в ту пору составляли сотрудники научных институтов, люди занятые и увлеченные. Сами институты были разбросаны на противоположной стороне улицы Лермонтова.

Поскольку почти все жители знали друга в лицо, жизнь протекала неспешно и несуетно, вечерами на улицах было пустынно, как в деревне, местные, в шутку стали называть Академгородок – «Академдеревней». Так и прижилось!

Нравы у нас тоже были особые. Это касалось и вечернего «променада» по улице Лермонтова и даже одежды.

Честно говоря, закон «подлости» хорошо знаком всем женщинам. Стоит тебе выскочить из дома на пару минут нечесаной, небрежно одетой, как именно в эти минуты ты встретишь

уйму знакомых, как женщин, так и мужчин, которых при прочих обстоятельствах ты не встретил бы при всем желании. Что уж говорить об Академе, где был общий «культурный пяточок»?! Любой выход из дома заставлял местных «дам» накраситься и приодеться. Все они над этим посмеивались, и тем не менее...

На обложку этой книги, я не случайно поставила фото из старого набора открыток. Фотографу удалось передать на фото Академгородка – безмятежную, светлую, полную надежд атмосферу тех лет, когда Академу было примерно столько же лет, сколько мне и моим «однокашникам». А, кроме того, на этом фото видно окно моей квартиры...

Не могу сказать, что меня мучает ностальгия по – прошлому, скажу больше – я никогда не хотела в него «вернуться», ну, разве на денек...

Глава 2. Гастроном

Мама моя считала поначалу, что жизнь в Академе скучновата, и оценила все её удобства чуть позже. А мне всё понравилось сразу, особенно квартира. Ну, и что, что это была «хрущевка» в «панельке»? В детстве до разных «нюансов» дела нет. Наша квартира находилась на втором этаже, и у нее был балкон. Доселе жить в квартире с балконом мне не доводилось. Во-вторых, прямо в нашем подъезде на первом этаже находился пункт «скорой помощи». Не могу сказать точно почему, но этот факт мне нравился – хорошо помню. В-третьих, окно нашей с сестрой комнаты выходило прямиком на вышеописанный «культурный центр» и можно было наблюдать за «культурной» и не очень жизнью Академа прямо не выходя из дома. В-четвертых, во дворе дома было довольно много детей, с которыми я быстро подружилась, в – пятых... в-общем, всех достоинств было не перечислить. А, кроме того, несомненным «плюсом» было то, что прямо из окна можно было видеть «зады» Гастронома: когда и что привезли в магазин, а потом за одну минуту оказаться в нём – этом самом Гастрономе и занять очередь за каким-либо «дефицитом» практически первым.

Для тех, кто «не в теме» поясню: очереди были привычным явлением того прекрасного времени. Мне до сих пор непонятно, почему в огромной стране плановой! экономики не хватало на всех разнообразной еды? Но факт остается фактом. Чтобы купить некоторые продукты – нужно было обязательно отстоять очередь. Хотя не могу также сказать, что полки магазинов были девственно пусты. На них, как сейчас помню, стояли банки с рыбными консервами типа «Килек в томате» и какой-то странной рыбы «Частик», опять же в томатном соусе. Продавались крупы, вермишель. Еще помню ряды банок с баклажанной икрой.

Сейчас многие не поймут шутку в знаменитом фильме «Иван Васильевич меняет профессию» про «а это икра заморская... баклажанная». А в те поры она вызывала «гомерический» хохот в зале кинотеатра, потому как икры этой «заморской» было невпроворот. Кстати, отличная штука и очень сытная! Если намазать её на хлеб да со сладким чаем... – то можно и суп не греть...

Молоко в «Гастрономе» продавалось в стеклянных литровых бутылках. Стояло оно в зале магазина прямо в металлических ящиках. А потом стали молоко продавать в белосиних треугольных бумажных пакетах. Но, многие жители предпочитали ходить в «молочный» на первом этаже дома 317, что прямо у остановки. Там молоко можно было купить «разливное». И нередко по Академу в те годы ходили с бидонами. А еще с «авоськами», в которых каждый прохожий мог рассмотреть чужие покупки. В этом же доме, не особо бросаясь в глаза – так, скромно, в уголочке, находился еще магазин под названием «Вино», но ясно-понятно, что ни я, ни мои одноклассники в те годы в него «нос не совали».

Обычно нас посылали за хлебом. В «Булочную» я ходить очень даже любила. Здание её, если идти от моего подъезда налево, стояло через один дом. Сначала, помнится, там хлеб и батоны давала продавщица. А позже сделали самообслуживание, и хлеб можно было выбирать самому, потыкав его перед этим длинной металлической вилкой на предмет свежести. Вилка при этом, почему-то всегда была привязана бечевкой к прилавку.

И хрустящую «горбушку» хлеба надо было обязательно обгрызть, пока несешь его домой. Так вкуснее...

Что же касается «авоськи»...

В году этак 1997, я привезла своих детей в Музей Истории города (в то время он располагался в деревянном бараке на улице Маяковского), и вдруг в витрине я увидела экспонат – эту самую Авоську с пустыми стеклянными бутылками из-под молока и кефира. В тот миг впервые в жизни, я почувствовала себя «раритетом».

Таким же «раритетом» я чувствую себя, описывая «очевидные» для моего поколения вещи. Но, поскольку есть небольшая вероятность, что эту книгу почитает кто-то из поколений нынешних – «интернетно-гаджето-мобильных», то делаю я это вполне осознанно.

Так вот...

В «Гастрономе» я любила пить сок, который наливали в стаканы из больших стеклянных... а как их называли?... не знаю..., ну, допустим, емкостей или колб с краниками внизу. Легкое движение руки продавщицы в шапочке с белыми кружевами, и томатный сок лился в стакан, а соль стояла в чашке, её нужно было добавлять самому. Стоил сок 10 копеек, а яблочный – дороже, 12 копеек. Еще в этих «колбах» были сливовый и персиковый соки. Но вот их цены я не помню, потому врать не буду. Я до сих пор предпочитаю томатный.

Много позже в этом магазине мы с подружками (иногда!) покупали отличное болгарское вино с жутким названием «Медвежья кровь». Ой, что-то я забылась...

Возвращаемся к сокам!

А стаканы были не пластиковые одноразовые, а обычные граненые стеклянные. Мылись они тут же. Продавщица устанавливала их по очереди на специальное отверстие вверх дном, нажимала, вода фонтанчиком начинала бить внутрь стакана. Это было увлекательное зрелище! Вот так! Обычным напором воды без всяких специальных дезинфицирующих жидкостей они мылись. «Все, кому не лень» пили из одних и тех же стаканов, и никто почему-то не боялся никакой заразы в то время. Чудеса!

Кстати говоря, помнится мне и одна «криминальная» история, связанная с этим самым «Гастрономом».

В какой-то момент в нем решили ввести самообслуживание, по типу сегодняшних супермаркетов. Понятно, что никаких «чипов» и «видеонаблюдения» в ту пору не было. И вот, одна из девчонок нашего четвертого класса – честно, не помню, кто это был! – рассказала нам по секрету (в компании было человек 7), что из такого магазина ей удалось легко вынести под пальто маленький пакетик печенья. Продавалось там тогда печенье в небольших пачках – по четыре штуки. И что сделали мы? Да, мы решили проверить, так ли это легко-получить «вкусненькое» на «халяву», и потому «пошли на дело».

Работая «под прикрытием», некоторым из нас – в том числе и мне – удалось засунуть «печенюшки» себе за пазуху, и мы действительно выбрались из магазина без приключений. А, потом, нервно смеясь, долго делились впечатлениями, жуя ворованное печенье – не такое уж и вкусное, кстати. Первый раз в жизни поняла я тогда значение таких выражений, как «трястись от страха», «сердце в пятках», «ноги подкашиваются».

Вечером дома я долго не могла успокоиться – потому, как богатое воображение стало рисовать мне ужасные картины того, что могло произойти. Я представляла, как нас с девчонками ловят, а потом всех везут в тюрьму, исключают с позором из пионеров, и как безутешно рыдает моя бедная мама, а отец берет ремень... Отец, к слову сказать, ремень в руки не брал ни разу в жизни, нам с сестрой его взгляда хватало для острастки.

Мало того, я еще некстати вспомнила историю с одной бабушкиной знакомой, которую за «недостачу» в магазине посадили на два года. И, тогда я представила, как будет плакать бедная кассирша, когда в магазине обнаружат пропажу трех пакетиков с печеньем. Потом я все же утешила себя мыслью, что за «недостачу» в несколько копеек её вряд ли посадят. Но для себя решила, что на такой «подвиг» я больше не пойду никогда и – ни за что!

Видимо, к подобным выводам пришли и остальные члены нашей «банды», поскольку по «кривой дорожке» никто в классе не пошел, и как это там? Посмотрим в Гугле... «шконки не грел», «зону не топтал».

Вот такая вот история! Может быть, её еще кто-то помнит?

Напомню, правда, что в этой «истории» основными действующими лицами были только ДЕВЧОНКИ! Несколько позже, идя домой из новой школы, большой толпой мы вваливались

в описанную выше «Булочную», и частенько наши МАЛЬЧИШКИ выходили оттуда с парой мелких пакетиков конфет за пазухой. И за ближайшим углом все дружно съедали «добычу», и очень веселились, и скажу больше – гордились удачью этих «добытчиков»!

Не буду здесь разбираться в тонкостях морально-нравственного аспекта такого поведения. Тем более, что «это было давно», следовательно «неправда». И, тем не менее, одна мысль не дает покоя: «Почему – когда чужие грехи тебе на пользу – к ним относишься более снисходительно?»

Озарение: «Ах, вот почему привязывали в „Булочной“ железную вилку!» (скромно улыбаюсь)



Глава 3. Школа №24

Да! Забыла написать, что еще одним достоинством дома, в котором мы поселились, являлось то, что до школы, где мне предстояло учиться – было пять минут ходу-это если медленно, а если быстро-то, наверное, минуты две – не больше.

Поскольку я решила придерживаться фактов, то пришлось специально съездить в Академ и проделать этот путь, считая шаги. Прямо от крыльца подъезда до школьных ворот шагов насчиталось 200. Так что никаких пяти минут! При тогдашней скорости, я могла при желании, преодолеть это расстояние вообще за одну минуту, даже с учетом того, что шаги мои в ту пору были короче.

Родители современные, которые возят своих «чад» в разные лицеи и школы, могут только украдкой вздохнуть от такого несомненного удобства. Кстати говоря, с нами – имею в виду своих одноклассников – никто особенно не возился. Встречать после уроков, утром вести за руку – принято не было. Родители занимались своими делами, а нам обычно вешали на шею ключ на веревочке. И, после уроков, ты должен был идти домой, открывать оным ключом дверь, разогревать на плите обед, да еще и уроки сделать до родительского возвращения домой. Вот как-то так и жили...

Что же касается лично меня, то в первый класс я ходила в деревне. Пока родители занимались обменом-переездом, я год жила у бабушки. Закончила я первый класс «круглой» отличницей. И потому, когда мой отец принес мои «верительные грамоты», бишь, документы в школу №24, вышеупомянутая Софья Васильевна сразу определила меня в свой 2 «Б» класс, потому как «отличники» и активисты всегда «ко двору». А класс этот, к слову сказать, был сформирован на основе группы детского сада. Так что о многих моих одноклассниках можно смело сказать, что они «на соседних горшках сидели».

Вот в такой дружный коллектив мне и предстояло «влиться», и, понятно, что 1 Сентября я шла в школу не без волнения. Но как-то всё обошлось тихо и мирно. Нас «помариновали» на «линейке» возле школы, потом увели в класс, потом были какие-то уроки. Хорошо помню, что посадили меня за четвертую парту возле окна, чему я была рада. Софья Васильевна оказалось не «страшной», и кричать громко она не умела. А соседом моим по парте стал какой-то тихий мальчик, который вечно потел и молчал. Но о нем, кроме этого, написать ничего не могу. Потому как ни имени, ни фамилии его толком не помню, ибо он вскоре ушел из нашего класса.



Что же касается школы, то мне она очень понравилась с самого первого дня. Она была какой-то... уютной, не смотря на размеры. Если учесть, что деревенская школа, в которой я проучилась первый класс, была небольшой деревянной, то эта школа казалась мне поначалу просто огромной. Само здание её выстроено в виде большой буквы «П» с более широкой верхней перекладиной, причем «буква» эта стоит на правом своем боку. Хотя... можно сказать, что форма школы напоминает большую квадратную скобку-это уж кому как нравится. В принципе, школа эта как стояла – так и стоит на своем месте, а потому каждый желающий сам может решить, на что она похожа.

Забавно, но, видимо, простоит она еще много лет, выпуская из своих стен всё новые и новые поколения, а «новая школа» под номером 19 в Академе, которую выстроили много позже, и в которую наш класс перешел в 1975 году – так вот – «новая» школа в нынешнем 2016 году пойдет под снос. Вот такие метаморфозы! Впрочем, о школе №19 чуть ниже.

Глава 4. Марина

Вообще-то, строго говоря, знакомая у меня в классе, где мне предстояло учиться, а именно-2 «Б» – уже была. Звали её Марина Баракина. Во все времена, среди одноклассников принято давать друг другу клички, её поначалу пытались обзывать мальчишки «Барракудой», но ей это не подходило. Характер у Маринки был абсолютно мирный, она была рассудительна не по годам, что всегда восхищало мою маму.

Познакомилась я с ней, гуляя в своем дворе, поскольку жила она в доме напротив. И получается, что стала она моей первой подружкой, потому с моей стороны будет некрасиво не уделить ей должного внимания.

Еще раз хочу напомнить, что это МОИ воспоминания, и потому в большей степени я буду писать о тех, с кем МОЯ жизнь соприкасалась тесно.

Так вот! Маринка была очень интересной личностью. Хотя большими подругами мы впоследствии не стали, свою лепту в моё миропонимание она внесла. Прежде всего, она сразила меня своими знаниями в области медицины. Если учесть, что оба её родителя были врачами – это неудивительно. Но мои-то врачами не были. И потому, именно Маринка раскрыла мне важную тайну мироздания: ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ!

Для этих целей она взяла мой игрушечный металлический чемоданчик, положила туда голого пупсика и сказала, закрыв крышечку: «Вот так! Ребенок сначала сидит в животе у мамы, а потом раз!» – она открыла крышку чемоданчика и вынула пупсика – «его достают из живота». Спустя какое-то время она нашла в маминной медицинской энциклопедии более подробное описание этого процесса, но манипуляции с пупсиком, видимо, глубже запали мне в душу, если я помню их до сих пор.

Я с удовольствием ходила к ней в гости, где мы играли с куклами, а иногда читали какие-то медицинские книги, вернее, больше разглядывали в них картинки. Квартира её была необычной. Отец Маринки, врач-рентгенолог в нашей поликлинике, очень искусно резал по дереву. Кроме этого, её родители работали год в Африке и привезли оттуда много интересных фигурок.

Помню также, что большим потрясением в детстве для меня стал факт, когда Маринка похвасталась, что за пятерку «по контрольной» родители купили ей торт. Возможно, тогда я впервые поняла, что справедливости в жизни нет! Поскольку мои родители считали, что учиться на «хорошо» и «отлично» – моя «святая обязанность». И не то, что торт, а даже маленькую шоколадку-«медальку» не покупали за «пятерки».

Если учесть тот факт, что до четвертого класса я была «круглой» отличницей, то, похоже, родители мои сэкономили на мне целое состояние. Ну, а кроме того, сладкое не полезно ни для зубов, ни для фигуры, так что ладно! Утешимся этими фактами!

Глава 5. «Музыкалка»

В этой главе я хочу написать о том, что в здании нашей школы 24 на правах «падчерицы» ютилась небольшая музыкальная школа с отдельным входом. А поскольку это был Академ, то понятно, что большинство родителей были интеллигентами кто в первом, а кто и во втором поколении. И, следовательно, детей, то есть нас, они старались развивать по всем направлениям. А потому, в музыкальной этой школе училась в году 1972 чуть ли не половина моего класса. А я... впрочем, обо всем по порядку...

В третьем классе подружилась я с еще одной Мариной-Хаитовой. И самым естественным образом, попала к ней в квартиру, в которой было ПИАНИНО! И она – Маринка, уже даже умела извлекать из него какие-то звуки, и я заболела... Чем? Любовью к музыке, разумеется.

Хотя, если выразиться точнее, музыку я уже любила. Мой отец за годы учебы в Питере приобрел довольно большую коллекцию пластинок с классической музыкой и частенько «гонял» их на проигрывателе. Незаметно для себя и я «вошла во вкус» и стала без всякого понуждения включать оперные арии, Бетховена и Моцарта. Самой любимой пластинкой из его коллекции стала для меня музыка из балета «Лебединое озеро» вместе с либретто...

Но... просто, СЛУШАТЬ – это одно дело. У Маринки я осознала, что музыку можно ИГРАТЬ ...САМОЙ!

Своим родителям я так и объявила, что пианино-это «мечта всей моей жизни», и мама, воодушевившись, навела справки и пристроила меня на частные уроки к Маринкиной же учительнице музыки. Та не очень одобрила мои коротковатые для виртуозной игры пальцы, но, тем не менее, оценила музыкальный слух, рвение и усидчивость. А через год занятий предложила мне ходить в музыкальную школу, о которой я уже написала и кроме этого – предложила моей маме купить у неё отличное черное пианино «Ижевск». Ижевск, кстати, является городом, расположенным на Урале, и именно в нем я изволила на свет появиться. Но, это, понятно, лирическое отступление!

Мама с отцом «наскребли» нужную сумму, полагаю, одолжившись у бабушки. А потом, отец с товарищами привез этого «монстра» на двух санках! (благо – была зима) – из дома учительницы, до которого было ходу минут десять. У них же это «путешествие» заняло не меньше часа, и для меня до сих пор остается загадкой, как можно было технически осуществить это мероприятие? Но, тем не менее, инструмент занял свое место у центральной стены большой комнаты. Отец, и, понятно, его товарищи весь тот памятный вечер «отмечали» свой «подвиг», а я пиликала им несложные пьески, и счастьем моему не было границ!

А вот с музыкальной школой «взаимности» не получилось. Оказалось что там, помимо прочего нужно еще ходить на уроки сольфеджио и муз. литературы, и хор. Кроме всего прочего, меня записали еще и в ансамбль. И, если, я до этого, как многие девчонки в детстве мечтала быть то актрисой, то певицей – после выступлений с ансамблем в разных концертах, один из которых, помнится, был даже в филармонии, я поняла, что придется стать только актрисой. Потому как петь со сцены – это не мое! Песня «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку!» до сих пор не относится к числу моих любимых. О том же, чтобы стать великой пианисткой я не мечтала никогда.

Потому, рассуждая подобным образом, через два года я стала бессовестно прогуливать часть уроков, а потом, не смотря на уговоры учительницы и мамы – ходить в школу музыкальную отказалась наотрез. Этот факт из моей биографии моя мама до сих пор любит мне припоминать. И непонятно, чего ей больше всего жаль – что не вышла из меня великая пианистка или потраченных «впустую» денег, которых вечно не хватало. Боюсь, что второго!

В свое оправдание, могу сказать, что сейчас у меня уже четвертое в моей жизни, на сей раз – электронное пианино, и я играю на нем «для души» практически ежедневно. Так что будем считать, что мамины деньги не были «выкинуты на ветер».

Ряды моих одноклассников в классах «музыкалки» тоже изрядно поредели со временем. Но несколько самых стойких смогли «добить» музыкальную школу. С чем я их искренне поздравляю. Потому как любое незавершенное действие – это «интроект», который вредит здоровью, и потому все начинания лучше доводить до конца.

Не знаю, навредил ли этот «интроект» моему здоровью, но хорошо помню, какое счастье я испытывала от того, что не надо каждый день ходить в «музыкалку» и играть одни и те же этюды и гаммы по часу в день дома, а также петь в ансамбле.

После этого пела я только вместе с одноклассниками в школе на уроках пения или на сцене актового зала по великим праздникам. И пела с большим удовольствием, кстати сказать.

...А теперь вернемся вновь к дружбе с Маринкой Хаитовой... Что еще? А! Большое впечатление на меня помнится, произвела её мама, которая увидев однажды, что у меня покраснел глаз и собирается вылезти «ямчень», взяла какую-то деревянную дощечку, поводила по ней рукой, потом поводила рукой возле моего больного глаза, что-то пошептала и «вуаля!» – глаз волшебным образом выздоровел на следующий день.

Через много лет я познакомилась во дворе, где гуляла с детьми с одной бабушкой, которая научила меня «заговаривать» ячмень. И хотите-верьте, а хотите – нет, но теперь и я умею «колдовать» над глазами. Так что «заходите, ежели что...».

Глава 6. Юлька

Известно, что детская дружба во многом определяется расстоянием между подругами. Дружба с Мариной Хаитовой тоже вскоре «зачахла» естественным образом. Ходить гулять в чужие дворы мне не разрешали, а Маринка жила на расстоянии домов в пять. Именно в тот момент и началась наша дружба с Юлей Тарбеевой, которая жила в соседнем подъезде.

Здесь следует сказать, что не только родители имеют о детях своё мнение, но и дети имеют мнения о родителях, причем не только своих. В нашем классе в частности, я помню, многие очень завидовали Юльке, что у нее такой отличный папа-Юрий Васильевич. Он регулярно фотографировал наш класс, часто ездил с нами в походы. Было видно, что характер у него добрейший. И я тоже завидовала Юльке, что у нее такой «классный» папа, хотя такого слова в ту пору не употребляли.

У меня папа тоже был – очень умный и очень занятой. Но характер у него был жестким, и общаться так вот – запросто с ним, как Юлька со своим, я никогда не могла. Зато Юлька завидовала, что у меня такая добрая и веселая мама. Её мама была женщиной строгой, и Юлька её побаивалась. Помню, что в начале моего знакомства с её родителями, я очень удивлялась, когда Юлькин папа называл Юлькину маму-«иичко». На яичко она не походила нисколько! Она как-то необычно одевалась, носила шляпки, была очень умная – судя по количеству книг на её столе, за которым она писала диссертацию. И, лишь спустя какое-то время, я узнала, что зовут её Ия, а потому ласково «Иичка». Очень необычно!

Еще я завидовала, что у Юльки была своя собственная комната. И никто не брал её игрушки, и не портил тетрадки, как мне моя младшая сестра. А Юлька иногда завидовала мне, что у меня как раз, таки, есть младшая сестра и с ней можно поиграть. Короче, повод для зависти у подруг находится всегда.

Однажды мы с Юлькой решили сделать общий подарок моей сестре Нинке на день рождения. Собрали в «кучу» накопленные копейки из своих копилочек, набралось рубля три. Большие деньги по тем временам, если учесть, что булка хлеба стоила 18 копеек. Нинке мы купили огромного пупса в магазине «Промтовары», усадили его на кровати, а потом вместе пошли за ней в детский сад и, моя сестра, которую иногда мне приходилось волоком тащить из садика, в предвкушении подарка, бежала в этот день домой впереди нас. Она была ужасно довольна, назвала пупса Аркашей, а мы радовались даже больше, чем она.

А потом, помнится на 10-й Юлькин день рождения, родители подарили ей великолепную огромную куклу, которая умела двигаться и пищать «мама». Юлька «жадиной» не была никогда, поэтому мы играли с этой куклой вместе. Это были просто «именины сердца». Иногда мы брали детскую коляску моей сестры, усаживали туда куклу, одетую в настоящую детскую одежду, и везли её через дорогу к институту СЭИ. Помню, как ужасно мы гордились, когда кто-то из взрослых принимал эту куклу издали за настоящего ребенка, и подходил к нам с вопросом, не далеко ли мы ушли с ребенком от дома. Среди немногих старых фото, я нашла свое именно с этой Юлькиной куклой, а не со своими игрушками. Забавно!



...«А какие у вас еще игрушки были?» – спросила моя старшая дочь, прочитав эти записи. Какие? Пластмассовые, в основном. Ну, и резиновые. «Завалены» игрушками мы не были – это точно! Но куклы, кукольная посуда, «больничка» у нас с сестрой были. А еще мы с Нинкой любили играть в «дом», спрятавшись под мой письменный стол с накинутым сверху покрывалом. Любимой же игрой, у меня была игра «в школу», где я, понятно, была «учительницей». Что тут скажешь? Наблюдайте за детьми!

Нинка больше, к примеру, любила играть в «больницу», и одну куклу совершенно привела в негодность, залив йодом и «зеленкой». А потому было не удивительно, что после школы она пошла в медицинское училище. Но это я вновь отвлекаюсь...

Еще помнится, у нас была очень популярна одно время игра в бумажных кукол. Их сначала нужно было изготовить из плотной бумаги, а потом на тонкой бумаге рисовать разные наряды, обводя фигуру куклы по контуру. Затем «наряды» вырезались, и можно было эту куколку переодевать, во что пожелаешь. Дом же для кукол часто рисовался в обычной школьной тетради. Каждая комната на отдельной странице. Вот где был простор фантазии, или, как говорят сейчас, «креатив». Потом таких кукол стали продавать уже в готовом виде вместе с «одежками».

В «гаджетах», понятно, мы не сидели, даже телевизор смотрели редко. Ха, точно! У нас же в «старой квартире» в доме 305 был телевизор!

Где уж его родители взяли, не помню, да это и неважно. Это было такое сооружение, вернее ящик с полированной крышкой, размерами он был... с чем бы сравнить?... чуть больше современной «микроволновки». Сам же экран напоминал сегодняшней сотовый телефон. Изображение то «полосило», то становилось мутным, звук тоже периодически «капризничал». Но иногда телевизор «милостиво» соглашался поработать, и помнится, как-то мне удалось посмотреть по нему экранизацию «Героя нашего времени» почти без помех. Куда же мы дели этого «мастодонта» при переезде? Не помню. Но в новую квартиру он с нами точно не поехал.

Кажется, отец его кому-то подарил. Буду надеяться, что стоит он сейчас тоже в каком-нибудь музее Истории. Как пели в фильме «Три мушкетера»: «Пур ква па?»

Это позже телевизоры займут «передний угол» практически в каждой квартире. Но я не помню в своем окружении детей, которые сидели возле «ящика» часами.

Нужно же было: бегать, прыгать, орать, играть в «цепи кованные», «выжигало», спорить, ругаться, обзывать, мириться! Какой телевизор, когда такая интересная жизнь во дворе?

И велосипеда в детстве у меня не было. И что? У многих девчонок его не было. Зато мальчишки катали нас на своих «великах»! Еще веселей! Помнится, ездили мы одно время на велосипедах аж до Помяловского, впрочем, опять я вперед забегаю – это было уже позже...

Глава 7. Пневмония

У Юлькиных родителей, а возможно, у её бабушки – не помню точно, была дача в Рассохе. Это потом, дач в «садоводствах» не было только у «самых ленивых», а тогда это еще была редкость. Причем у них была именно дача – никаких грядок и теплиц. В ту пору, когда я иногда ездила туда вместе с Юлькой и её бабушкой – на участке среди сосен стоял аккуратный дом с печкой. А буквально в нескольких метрах от дома текла чудесная речка, за которой возвышалась гора. Вот где было раздолье!

...Только однажды такая поездка «вышла мне боком». Вовремя не пришла электричка, и мы промерзли на перроне в её ожидании. Была ранняя весна, а мы с Юлькой уже «выпендирились» в легкие – модные в ту пору – «болоневые» куртки, в результате, к вечеру на даче у меня поднялась температура. Бабушка Юльки тотчас доставила меня домой. Были выходные. Вызванный врач из «скорой» с первого этажа быстро поставил мне диагноз «ангина», но температура упорно держалась у отметки в 40 градусов, несмотря на лекарства, и лишь пришедшая через два дня педиатр немедленно поместила меня в больницу, поскольку это оказалась «крупозная пневмония».

Целый месяц – долгий месяц меня держали в отдельной палате и кололи пенициллином днем и ночью. Первые две недели мне не разрешали даже подниматься с постели. Исколотая, замученная «капельницами», без конца пьющая какие-то микстуры и порошки, ужасно страдающая от разлуки с мамой (её почему-то в палату не пустили ни разу), не имея возможности даже читать книги, я могла только смотреть в потолок и размышлять о разных вещах. Тогда помнится, я впервые поняла значение выражения «красота требует жертв». «Жертвой» мне быть больше не хотелось, и с тех давних пор, я предпочитаю одеваться по погоде.

Больница и поликлиника находились в ту пору в доме 301, и когда мне уже разрешили ходить, я часто смотрела на свой дом, который был напротив, периодически размазывая по лицу слезы.

Именно тогда я осознала, что и мама иногда бывает права. Поскольку она настаивала, чтобы в тот злосчастный день весны я надела теплое зимнее пальто. Еще я поняла, как сильно я люблю и её и вредину-Нинку, и даже сгоряча решила, что не буду больше Нинку никогда обижать...

Вот такая грустная история была в моей жизни. Напрягаю память, чтобы вспомнить, кто из одноклассников имел свой печальный опыт серьезной болезни. Помнится, только Маринка Хайтова сильно обожгла ногу, и мы ей очень сочувствовали. Палец обожжешь, и то жутко болит! А тут! Ужас!

Если честно, слегка поболеть в детстве – даже приятно! А что? Если уроки надоели, а еще диктант какой-то намечается, и вдруг – у тебя температура – ура! В школу не надо, мама на работу не уходит, вкусное тебе – на, короче, одно удовольствие! Ну, посопишь, покашляешь, таблетки выпьешь, градусник под мышкой поддержишь. Главное, чтобы не в каникулы, и без больниц-уколов. В этом месте повествования все дружно вспоминают свои детские болячки! Вспомнили?

А я? Что я? После той грустной истории, больше на даче у Юльки я не была. Хотя нет, была! Но... гораздо позже, со всем классом. С Юлькой я уже в ту пору не дружила...

О Юлке, её семье, воспоминаний той поры у меня, понятно, намного больше, чем об остальных, и возможно, когда-нибудь я напишу целую повесть о нашей дружбе, а для этой книги, полагаю, достаточно. Тем более, что так или иначе вспоминать о ней буду еще не раз.

Очень здорово, что в моих архивах сохранилось фото, на котором есть и Юлька, и Маринка Баракина, и даже я где-то там – на заднем плане. С удовольствием публикую это фото в книге.



Глава 8. Витька

А теперь вернемся к моменту учебы в четвертом классе...

В третьем и четвертом классе моим соседом по парте был Витька Лукьянов. Жил он в одном доме со мной, помнится, в третьем подъезде. Жил он вместе со старшим братом – симпатичным таким голубоглазым парнем и мамой, которая работала уборщицей в домоуправлении, или как их называли тогда? ЖЭКе!

Во времена социализма существовало равенство всех граждан, и кандидат, а то и доктор каких-либо наук, мог вполне жить по – соседству со слесарем-сантехником, к примеру. Причем, МНСу (младшему научному сотруднику) квартиру могли дать даже меньшей площади, нежели многодетному дворнику. Квартиры в ту пору «распределяли». На них записывались в «очередь», и при сдаче очередного нового дома, все кандидатуры очередников рассматривались на специальной «комиссии», которая решала – сколько метров жилой площади ты имеешь право занимать. Только кандидаты и доктора наук имели право на дополнительные квадраты жилья. То есть занятия наукой поощрялись.

Кроме того, поощрялось и желание семьи иметь много детей. Помнится, в новых домах за Пустырем Академия Наук выделила сразу две квартиры на площадке для семьи Рожковых. Двое из этой семьи – Муся и Сашка учились в нашем классе, потому и знаю эту историю. Но, если честно, такую многодетную семью я помню только одну.

Нашим родителям не платили «материнский капитал», и, тем не менее, практически у всех в нашем классе был брат или сестра. Ну, это к слову!

Что же касается Рожковых, то с ними в детстве, да и позже, я практически не общалась и написать мне о них, к сожалению, в данной части книги нечего. Одно помню хорошо, Муся на уроках часто рисовала в тетрадях разных животных, по большей части лошадей. И получалось у нее это здорово.

Ну, это я опять отвлеклась. Что поделать? Мои воспоминания, как и мысли, имеют свойство перескакивать с одного на другое.

Вот так и жили – дружно и вполне равноправно, пока в Академе не началось строительство так называемых, «сливочных» или «профессорских» домов, и большая часть наших соседей перебралась в них. Так что одни оказались все-же «равнее» других.

Лично мне было жаль, что из соседней квартир уехали две девочки, с которыми мы вместе играли во дворе. Зато на площадке поселилась Лада Степанова, с которой впоследствии дружила моя младшая сестра. А в соседнюю квартиру въехала тетя Света Мацюшевская, с которой долго дружила моя мама. Вот так всегда – «когда убывает в одном месте, то прибывает в другом».

...Кстати говоря, «равенство» до определенных пор поддерживала и система вывоза мусора в нашем районе. Будь ты хоть директор, хоть кандидат наук, хоть «простой смертный» – в час «икс» утром или вечером ты должен был выходить к «мусоровозке» со своим «поганым» ведром. В части производства «отходов» жизнедеятельности» все, понятно, равны.

А впоследствии там-сям воткнули мусорные баки, еще больше «углубив», как говорил автор «перестройки», разрыв между прослойками нашего «академгородовского» сообщества.

Не всегда опрятные эти «мусорки» ужасно портят пейзаж Академа. И окна памятной мне квартиры в 305 доме, где мы жили, теперь смотрят вместо зелени на огромную, вечно «растрепанную» мусорку.

Впрочем, «не будем о грустном»...

Начала писать-то я о Витьке... итак...

Был он тихим «троечником», списывал у меня уроки, никогда меня не обижал, не дергал за косу, и вообще, вел себя в отношении всех девчонок очень прилично.

В прошлом году, встретившись с одноклассницей Леной Татарниковой, мы вспомнили забавный эпизод из прошлого.

Тогда, году в 1972—73 еще только зарождалась традиция поздравлять мальчишек с Днем Защитника Отечества, а девчонок – с Днем 8 Марта.

Как справедливо заметил Маков, прочитав мои черновики, Дня Защитника Отечества тогда не было. А был День СА и ВМФ, что в расшифровке означает – День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Исправляюсь, хотя сути это не меняет. На мой взгляд, проще было бы этот день по аналогии с Женским назвать просто Мужским Днем и всё! Но я не Президент, увы, и мой взгляд мало кого волнует.

Итак, наша Софья Васильевна, должного опыта в праздновании этих Дней на тот момент не имела, потому просто попросила мальчишек принести что-то из дома девочкам в подарок. В означенный день все они пришли в школу с разными подарками. А когда учительница предложила подарить подарки девочкам, не уточнив, что дарить их следует своим соседкам по парте, то много мальчишек подарили подарки мне и Ленке.

По какой причине это произошло – непонятно. Не скажу, что были мы с ней какими-то особенными. Хотя, здесь, я лукавлю. Каждый человек, а уж тем более ребенок, считает себя уникальным, единственным и неповторимым.

И, хотя мне приятно думать, что все эти мальчишки уже в то время «отличали» нас с Ленкой от других, по большей части, это произошло, я полагаю, из принципа «все пошли, и я пошел». Но, тогда – торжество было сорвано, некоторые девчонки даже плакали, Софья Васильевна была в замешательстве, но отбирать у нас подарки, понятно, не стала. И мы с Ленкой пошли по своим домам с полными портфелями подарков весьма довольные жизнью.

Как сейчас помню – мы с сестрой долго разглядывали подарки: пузырек с духами, необычную ручку, книжку, еще какие-то милые мелочи. Но самый приятный моему сердцу подарок сделал мне именно Витька. Он подарил мне мягкую игрушку – коричневую средних размеров плюшевую собачку. Это сейчас подобными игрушками завалены дети, а в те времена, это был дорогой подарок.

Вы не поверите, но из поездки к младшей сестре в Новосибирск в этом году я привезла эту собачку!

Как выяснилось, она уцелела при всех переездах и подростские племянницы милостиво согласились мне её вернуть, чтобы теперь с ней играла МОЯ ВНУЧКА-Ева.

Ну, что же! Фото собачки «изрядно потрепанной, но непобежденной», прожившей в моей семье больше сорока лет, пережившей не меньше семи переездов, служившей игрушкой уже трем поколениям детей я помещаю в эту книгу. Заслужила!



Что же касается Витьки... Кто знает, как сложилась бы его жизнь, если бы к нам в 4 классе не перевели второгогодника Медникова. О, эта была известная в нашей «деревне» личность!

То ли ранняя смерть отца на него повлияла, то ли еще что, – мать свою он уже в четвертом классе не слушался вовсе, старшего брата игнорировал. И, как говорили тогда, «связался с плохой компанией», совсем учебу забросил и потому попал в наш класс на повторное обучение. В жизни Витьки его появление сыграло роковую роль. Слабохарактерный Витька потянулся к нему – более сильному, понятно, тоже «попал в плохую компанию» и став постарше, они оказались замешаны в каких-то делах, и оба угодили в колонию. Больше в нашем классе они не появлялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.